

DOI: 10.31857/S032103910009670-0

H. BECK, P. FUNKE (eds.). *Federalism in Greek Antiquity*. Cambridge: University Press, 2015. XXVII, 605 p. ISBN 978-0-521-19226-2

Выход в свет рецензируемого издания представляет собой знаменательное событие в современной историографии античности. Почти полвека после появления книги Дж. Ларсена¹ не предпринималось попыток разработки темы греческого федерализма в едином комплексном и всеобъемлющем исследовании². Необходимость создания новой обобщающей работы (a new synthesis — с. XIV) ее редакторы и авторы вступительной главы Х. Бек и П. Функе обосновывают несколькими обстоятельствами. Во-первых, за последние десятилетия было открыто значительное количество новых источников — надписей, монет, археологических материалов. Во-вторых, примерно с 1980-х годов в историографии древней Греции наметилась новая тенденция, связанная с преодолением «полисоцентричности» в изучении греческих государств и появлением множества работ об организации общества и государственных институтов «за пределами Афин и Спарты»³, что создает базу для обобщений на более высоком уровне исторического знания. В-третьих, были разработаны новые методологические подходы, позволяющие глубже понять и более точно оценить различные стороны и особенности древнегреческого федерализма (с. XIII). Отсюда вытекают, очевидно, три главные задачи коллективного труда: представить обзор истории и устройства греческих федераций с учетом новых источников, ознакомить читателя с выводами и гипотезами исследователей, изучавших эти федерации в последние десятилетия, и, наконец, сформулировать новые обобщающие положения на базе современных методологических подходов.

Что касается первых двух целей, то они, безусловно, достигнуты. Основную часть 29 глав представляют собой компактные, но наполненные важной информацией обзоры сведений об отдельных федерациях, существовавших в различных частях греческого мира. Авторами глав, как правило, являются крупнейшие специалисты по истории того или иного региона (П. Функе — Этолия, Ф. Ридзакис — Ахайя, К. Фрайтаг — Акарнания, Дж. Макинерни — Фокида, Т. Нильсен — Аркадия, М. Царнт — Халкидика и т.д.). То, что редакторам удалось собрать столь авторитетный авторский коллектив, следует считать несомненным достижением. В работе, разумеется, отражено современное состояние источниковой базы. В частности, Р. Бервальд отмечает, что раскопки последних десятилетий на территории древней Ликии имели результатом «поистине взрывное

Рецензия написана при поддержке РФФИ в рамках гранта «Институт гражданства в федеративных и имперских государствах античности в постклассическое время: правовые основы, практики, дискурсы» (проект № 20-09-00099).

¹ Larsen 1968.

² Обобщающие работы о греческом федерализме, опубликованные после книги Ларсена, заметно уступали ей как по охвату материала, так и по уровню обобщений: одни из них посвящены отдельным союзам и периодам федеративного движения (Consolo Langher 1996; Beck 1997), другие имели целью представить в новом свете лишь некоторые аспекты федерализма — черты унитарного государства в греческих федерациях (Giovannini 1971), роль территориальных округов внутри союзов (Corsten 1999), интеграцию союзных общин в сфере экономики и религии (Mackil 2013), значение федеральных святилищ в истории союзных государств (Funke, Naake 2013), третьи представляют собой сборники материалов конференций, где вопросы истории греческих федераций излагаются выборочно, отражая научные интересы докладчиков (Aigner-Foresti *et al.* 1994; Buraselis, Zoumboulakis 2003).

³ Gehrke 1986.

нарастание (virtual explosion) эпиграфического материала» (с. 403), и широко использует новые данные для характеристики федеральных и полисных институтов Ликийского союза (с. 403–418). Целый ряд недавно обнаруженных надписей позволяет уточнить, какие именно города входили в IV в.⁴ в состав Халкидского союза (с. 354–356). Только что открытый и к моменту издания книги не опубликованный текст договора между Гортиной и Кноссом служит основанием для выводов о взаимоотношениях полисов внутри Критского союза около 220 г. (А. Ханиотис, с. 380–381). Новые эпиграфические источники использованы и почти во всех других разделах работы. Археологические находки последних десятилетий также часто упоминаются в рецензируемом издании, в частности, в качестве свидетельства о более раннем, чем было принято считать, времени возникновения городских центров в таких областях, как Этолия, Акарнания и Западная Аркадия (с. 68, 74, 100, 256–257). В большинстве глав содержится подробный обзор нумизматических данных, включая недавние находки.

Среди новых и достаточно интересных предположений, выдвинутых в работе, можно упомянуть и неплохо обоснованную гипотезу П. Функе о возрастании роли федерального совета в управлении Этолийским союзом в конце III в. (с. 115–117), и вывод Т. Нильсена о наличии в Аркадии накануне создания Аркадского союза «субэтнических федераций», которые состояли из только что сформировавшихся или заканчивающих свое формирование малых полисов (с. 256–257), и характеристику Союза островитян эллинистической эпохи как объединение гегемониального типа, которое его создатели стремились «замаскировать федеративными формами» (К. Бураселис, с. 365), и ряд других положений, перечень которых можно продолжить. С другой стороны, во многих случаях участники проекта стараются проявить сдержанность и осторожность, когда речь заходит о труднодоказуемых гипотезах, не навязывают своего мнения читателю и предпочитают излагать аргументы в пользу разных точек зрения, воздерживаясь от категорических выводов. Приведем два характерных примера. С очень давних пор дискутируется вопрос о том, представляют ли собой названия федеральных собраний аркадян («Десять тысяч») и акарнанов («Тысяча») образные выражения, отражающие многочисленность собравшихся, либо они свидетельствуют о наличии в этих федерациях голплитского ценза. В главах об Акарнании и Аркадии К. Фрайтаг и Т. Нильсен оставляют этот вопрос открытым, хотя, разумеется, имеют и свое мнение по данному поводу (с. 81, 262). В разделе, посвященном Киренаике, А. Маколи явно склоняется к той точке зрения, что в этой североафриканской области хотя бы временами могла существовать федерация греческих полисов, однако постоянно подчеркивает, что это мнение основано главным образом на косвенных данных, и даже название главы сопровождается вопросительным знаком: «Федерализм в Киренаике?» (с. 419–433).

Еще одна отличительная особенность рецензируемой книги заключается в том, что и редакторы, и авторы отдельных глав, следуя недавно наметившейся тенденции, уделяют немалую долю внимания не только политической истории и государственной организации греческих федераций, но и проявлениям взаимодействия общин, участвовавших в федеративных союзах, в таких сферах, как экономика и религия. В большинстве глав (особенно в той, которая касается Беотии, с. 132–157) достаточно подробно освещается история и значение союзных культов и празднеств в той или иной федерации, подчеркивается их роль в интеграции общин внутри того или иного региона. Специальная глава посвящена экономическим отношениям в федеративных государствах (Э. Макил, с. 487–502). Здесь приведена интересная подборка сведений, свидетельствующих о том, как федеральные власти могли содействовать экономической интеграции полисов и защищать их общие хозяйственные интересы. Некоторые из описанных автором проявлений федеральной экономической политики иллюстрируются бесспорными фактами, как, например, наличие той или иной степени союзного контроля над монетным делом почти во всех федерациях или практика введения эмбарго на вывоз зерна с союзной территории в неурожайные годы. Иногда Э. Макил явно преувеличивает значение отдельных примеров вмешательства федерации в хозяйственную жизнь полисов. В частности, она считает «широко распространенным» предоставление всем гражданам федерации права приобретения недвижимости в собственность (ἐκκλησις) во всех городах союза (с. 492), хотя достаточно надежные свидетельства на этот счет имеются только для двух-трех федераций. Недостаточно обоснованным является и следующий тезис: «Портовые пошлины, по крайней мере, во многих случаях, собирались скорее союзами, чем полисами, в которых находились эти гавани» (с. 495). Ни один из

⁴ Здесь и далее — до н.э.

немногих приведенных примеров подобной практики не может считаться полностью доказанным, а бесспорное свидетельство тому, что таможенное дело в Акарнании было отнесено к ведению полисов, а не федерации (*IG IX* 1² 583, стк. 31–36), в главе вообще не упомянуто⁵. Тем не менее сама попытка систематического изучения экономических аспектов греческого федерализма представляет собой несомненный шаг вперед в данном разделе антиковедения.

Не столь однозначное впечатление производит исполнение третьей задачи, поставленной перед рецензируемой работой: формулировка обобщающих положений на базе новых методологических подходов. Именно этой цели главным образом посвящена вступительная глава «Введение в федерализм в греческой античности», написанная Х. Бекон и П. Функе (с. 1–29). Среди новых тенденций в изучении греческого федерализма особое значение они придают так называемому «этническому повороту» (*ethnic turn* – с. XIII, 9), суть которого заключается в том, что завершение формирования этнических сообществ в таких областях Греции, как Фокида, Ахайя, Беотия и др., современные исследователи относят к гораздо более позднему времени, чем это было принято считать прежде, а именно к архаическому, а в некоторых районах – и к классическому периоду. Не случайно глава «Федерализм и этническая принадлежность» (с. 30–48) занимает в оглавлении почетное второе место после вступительной главы. Заметим, однако, что автор этого раздела Д. Холл благоразумно воздерживается от того, чтобы на основе новых выводов о времени и характере этногенеза в упомянутых областях пересматривать традиционные оценки состава и устройства греческих федераций, равно как и датировки их возникновения; он лишь отмечает, что формирование этнического самосознания «было не просто предпосылкой федерализации, но и одним из средств, с помощью которых она была достигнута» (с. 48). Новые воззрения на этнические процессы в ряде регионов Греции сами по себе еще не опровергают традиционную оценку того, как и почему возникали федерации. В частности, данные новых исследований вовсе не доказывают, что этногенез и федерализация в каких-то областях происходили одновременно и представляли собой единый процесс, альтернативный формированию полисов в других частях Эллады, как утверждают Х. Бек и П. Функе (с. 23). Все зависит от того, каким временем можно датировать начало федерализма в Греции. Х. Бек и П. Функе относят создание первых федеративных государств (*federal states*) «ближе к концу архаического периода» (с. 22–23), тем самым безоговорочно относя к разряду федераций ранние союзы одноплеменных общин, о политической структуре которых не было почти никаких точных сведений во времена Ларсена, применявшего в отношении этих образований обтекаемые выражения наподобие “tribal state” или “political union”; не прибавилось их и теперь. Впрочем, использование понятия «федерализм» в рецензируемой работе заслуживает отдельного и подробного рассмотрения.

Содержание вступительной главы, равно как и подбор материала для книги в целом, свидетельствует о том, что федерализм в рецензируемой работе трактуется как чрезвычайно широкое и гибкое понятие. Х. Бек и П. Функе отмечают, что в современных исследованиях «границы между федерализмом и другими формами региональной интеграции стали более проницаемыми» (с. 28); «монолитные подходы к федерализму утратили по большей части свою привлекательность, необходимо более широкое понимание» (с. 29). На практике это означает, что изучение федерализма не следует сводить к исследованию форм государственной организации, его проявления надо искать в самых различных сферах межобщинного взаимодействия внутри отдельных регионов греческого мира. Такая методология, конечно, вполне соответствует современным тенденциям в историографии и позволяет выявить такие взаимоотношения между внутри регионов или этнических групп, которые ускользали от внимания исследователей, занятых анализом политической организации региональных союзов. Однако данный подход имеет и свои издержки: термины «федерализм» и «федеративное государство» становятся слишком расплывчатыми и неопределенными. Авторы вступительной главы считают неудачными предпринятые прежде попытки предложить некие универсальные критерии, позволяющие отделить федерализм от других форм региональной интеграции (с. 6–7, 18–19, 26), в частности, такой признак, как наличие двойного (федерального и общинного) гражданства⁶, чему придавали большое значение немецкие ученые, рассматривавшие греческие лиги через призму *Staatsrecht*⁷, или разделение регионального союза на территориальные

⁵ См. подробнее: Sizov 2018, 115–118.

⁶ Заметим, впрочем, что некоторые авторы отдельных глав рецензируемой книги по-прежнему считают «двойное гражданство» важным признаком федерализма (Н. Лураги – с. 291).

⁷ Szanto 1892; Swoboda 1913; Busolt 1926.

округа⁸, однако ничего не предлагают взамен⁹. С их точки зрения, стремление Ларсена проводить различие между слабо организованными областными союзами (*leagues* или *looser organizations*) и настоящими федеративными государствами (*confederacies* или *federal states*) ныне выглядит слишком прямолинейным, подобных «жестких определений» следует избегать (с. 13). Поэтому Х. Бек и П. Функе не пытаются провести какую-либо классификацию рассматриваемых в книге союзов и многократно подчеркивают, что многообразие проявлений федерализма в различных областях греческого мира невозможно свести к одной или нескольким универсальным моделям.

Между тем, федерализм как производное от термина «федерация» специалистами в разных областях общественных наук по-прежнему, несмотря на возникновение разнообразных новых концепций, понимается как создание и совершенствование сложного государства, состоящего из элементов, наделенных признаками государственности¹⁰. Х. Бек и П. Функе и сами отмечают, что греческое федеративное государство должно было, с одной стороны, иметь союзный центр, воплощающий подлинную государственную власть (с. 25), а с другой — объединять множество государственных образований (с. 1). Однако в ходе полемики с приверженцами концепции «двойного гражданства» как признака федерализма они допускают явное отступление от общепринятого понимания федерализма, утверждая, что федеративная организация в греческих областях была настолько разнообразной, что составными частями федерации могли являться не только полисы, но и «города меньшего размера, а иногда просто села и агломерации сельских усадеб»; «в других федерациях участниками были преимущественно племена и отдельные подразделения племен (*sub-tribes*)». При этом особо подчеркивается, что о внутренней политической организации подобных сообществ мало что известно, и наличие у них собственного местного гражданства, как и других признаков государственности, маловероятно (с. 17–18). В качестве иллюстрации упоминается немалое количество греческих областей, где федерализм мог принимать подобное обличье: Акарнания, Аркадия, Фокида, Мессения, Элида, Этолия, Дорида, Магида, Эниания (с. 18). Список выглядит внушительно, но при ближайшем рассмотрении складывается впечатление, что в большинстве своем эти примеры либо не слишком удачны, либо вовсе не относятся к делу.

Наиболее показательным образцом федерации, состоявшей из общин сельского типа, Х. Бек и П. Функе считают Фокиду: в этой области древние насчитывали более 20 «полисов», но на самом деле только немногие из них имели городской облик, а большинство представляло собой группу селений под общим названием; об их политической организации почти ничего не известно (с. 18). Оснований для такого вывода, по существу, два: слишком большое количество полисов для столь маленькой области и чрезвычайная скудость эпиграфических и нумизматических источников, по крайней мере классического периода, которые могли бы свидетельствовать о наличии признаков городской жизни и полисной организации в большинстве этих общин. Однако ни то, ни другое не может служить доказательством отсутствия и настоящих городских центров, даже совсем небольших по размерам, и полисного устройства фокидских общин, тем более, что непонятно, о каком историческом периоде идет речь. В 346 г. в результате поражения фокидян в Третьей Священной войне стены фокидских городов были разрушены, а жители расселены по деревням, которые должны были иметь не более чем 50 домов и находиться друг от друга на расстоянии не менее стадия (Diod. XVI. 60. 2; Paus. X. 3. 2). В это время фокидские общины действительно состояли из «разбросанных селений» (*scattered villages* — р. 18), однако уже через несколько лет началось восстановление городов (Paus. X. 3. 3; 33. 8; 36. 3). Ко времени Павсания некоторые из них обезлюдели и обрели совершенно сельский вид (Панопей: Paus. X. 4. 1; Тифорея: 32. 10; Ледонт: 33. 1), однако это вовсе не означает, что они не были настоящими, хотя и маленькими городами в классическую эпоху¹¹.

⁸ Corsten 1999.

⁹ Характерно, что автор главы о Киренаике А. Маколи в поисках списка признаков, отличающих федерацию от иных форм интеграции общин, вынужден обратиться не к «Введению», а к иной работе (McInerney 2013, 470–471), упомянув лишь о том, что во вступительной главе отмечаются сложности в использовании некоторых из этих признаков.

¹⁰ Помимо соответствующего определения, которое можно найти в любом учебнике по государственному (конституционному) праву, об этом свидетельствует и содержание глав, посвященных вопросу, что такое федерализм, в современных работах политологического или социологического жанра (см., например, Feeley, Rubin 2008, 7–37; Erk, Swenden 2010, 1–15; Hueglin, Fenna 2015, 16–46).

¹¹ Alcock 1995, 326–327.

В Фокиде обнаружены остатки примерно двух с половиной десятков древних поселений, обнесенных стенами, обычно не менее километра длиной; почти каждое из них может быть более или менее точно идентифицировано как один из «полисов», упоминаемых в литературных источниках¹². Судя по всему, в тот период, к которому относятся основные сведения о федеративном устройстве Фокиды, а именно в IV–III вв. (с перерывом от разрушения до восстановления фокидских городов и далее вплоть до этолийского завоевания), этот союз был федерацией полисов, а не сельских общин. По крайней мере обратное должно быть доказано конкретными примерами, каковые не приводятся ни во вступительной главе, ни в той, которая посвящена Фокиде (с. 199–221).

Еще менее показательным представляется тезис, согласно которому одной из федераций, объединявшей как полисы, так и племенные группы, являлась Акарнания (с. 18). В одном из двух исследований, на которые в подтверждение своих слов ссылаются авторы вступительной главы¹³, действительно содержится такое предположение. Основано оно на довольно спорной трактовке фразы из надписи *IG IX² 1583*, стк. 40 (217/6 г.), где упоминаются временные лагеря для гостей праздника в честь Аполлона Актийского, которое именно в это время стало проводиться под эгидой не города Анактория, как было раньше, а всего Акарнанского союза. Слова «τὰς παρεμβολὰς τῶν τε πολίων καὶ τῶν [ἐ]θνέων» иногда толкуются как свидетельство того, что федерация акарнанов состояла из «полисов и племен»¹⁴, но гораздо более естественным выглядит другое объяснение: праздник был популярен не только среди акарнанов, но и в соседних областях, жители которых, приезжая на празднество, разумеется, предпочитали устраивать свои отдельные стоянки по этническому признаку¹⁵. Вторая работа, к которой отсылают читатели в данной связи Х. Бек и П. Функе — глава об Акарнании в рецензируемой книге (с. 66–85). Ее автор К. Фрайтаг, однако, затрудняется сделать выбор между двумя толкованиями упомянутой фразы о «полисах и племенах» (с. 66), а в целом склонен считать, что, согласно новейшим археологическим данным, уже на заре классической эпохи большинство поселений в Акарнании имело вполне городской облик (с. 68). Добавим, что в IV в. в списках акарнанских феородочков в качестве места проживания этих последних фигурируют исключительно города (*IG IV² 195*; *SEG 23*, 189; 36, 331)¹⁶; наконец, в федеральном декрете 207 г. назначить феородочков для приема посланцев из Магнесии на Меандре поручается всем «полисам» союза, а не «полисам и племенам» (*IG IX² 1582*, стк. 32).

Не совсем уместным выглядит упоминание в списке областей, где существовали федерации, объединявшие общины сельского типа, Мессении и Элиды. В главе, названной «Следы федерализма в Мессении» (с. 285–296), ее автор Н. Лураги избегает именовать Мессению «федеративным государством» и лишь отмечает: некоторые косвенные свидетельства могут указывать на то, что это государство первоначально создавалось как федерация, однако со временем превратилось в единый полис по мере того, как наиболее крупный городской центр, поначалу называвшийся Ифомой, подчинил себе прочие города области и обрел имя Мессены, а само государство стало именоваться полисом мессенян, что подтверждается документами III в. Такое предположение заслуживает внимания как правдоподобная гипотеза, но прямых доказательств существования федеративных институтов в Мессении IV в. по-прежнему не имеется. В любом случае, Н. Лураги представляет себе эту гипотетическую федерацию как «политию, включавшую различные городские поселения, которые скорее всего имели статус полиса внутри некоей федеративной структуры» (с. 291). Иллюстрацией тезиса о федерации, состоящей преимущественно из сельских, племенных и прочих общин непалисного характера, Мессения, таким образом, служить не может. Относительно Элиды Дж. Рой, автор соответствующей главы (с. 269–284), приходит к выводу, что это было унитарное полисное государство, контролировавшее за пределами своих границ ряд зависимых союзных

¹² Oulhen 2004, 408–428.

¹³ Gehrke, Wirbelauer 2004, 352.

¹⁴ Nabicht 1957, 109–110; Cabanes 1985, 346–347; Dany 1999, 249, Anm. 29. Принимающий это толкование П. Функе, один из авторов вступительной главы, делает из этой фразы далеко идущие выводы, сравнивая внутреннюю структуру Акарнанского и Этолийского союзов в главе об Этолии (с. 97–98, 100).

¹⁵ Corsten 199, 104; Czech-Schneider 2002, 80; Giovannini 2007, 295.

¹⁶ В списке феородочков, принимающих вестников Немейских игр, упоминается человек, живший ἐν Δριῶνι (*SEG 36*, 331, стк. A 41). Это показывает, что упомянутые Диодором (XIX. 67. 3–5) и в некоторых надписях Δεριοῖς представляли собой не племенную общину, как полагали П. Кабан и О. Дани (см. прим. 14), а граждан полиса, имевшего городской центр (Pritchett 1992, 81).

общин, причем созданная элейцами система союзных отношений «явно не была федерацией» (с. 278). Можно лишь предположить, считает он, что некоторые из этих общин, на короткое время избавившиеся от господства Элиды, создали свои собственные маленькие федеративные государства. Речь идет об объединении четырех маленьких городков в горной области Акрории, а также о союзе общин Писатиды. О политическом устройстве обоих этих союзных образований, недолго существовавших в IV в., равно как и о внутренней организации входивших в них общин, абсолютно ничего неизвестно. Поэтому делать какие-либо выводы о греческом федерализме, опираясь на пример Элиды, было бы опрометчиво¹⁷.

Что касается «микрофедерализма» в Дориде и Этее (термин взят из названия соответствующей главы, написанной Д. Руссэ, — с. 222–230), то федеративный характер «Союза дорийцев», возникшего на развалинах разгромленного римлянами Этолийского союза во II в. и продолжавшего существовать в следующем столетии, более чем вероятен. Однако каждый из четырех городов Дориды (или так называемой Метрополии дорийцев) уже в предшествующий период имел статус полиса и в качестве такового участвовал в Этолийской федерации (например, $\rho\omicron\lambda\iota\varsigma$ Κυτινέων : *IG IX*² 1 68, который в другой надписи именуется «самым большим из полисов Метрополии»: *SEG* 38, 1476, стк. 32–33, 101–102). «Союз этейцев» образовался в то же время и также вследствие развала Этолийской федерации. В надписях упоминаются союзные магистраты, общая казна и некоторые другие признаки федерализма в Этее. Какие именно общины, кроме явно доминировавшего в этой области полиса Гераклеи Трахинской, считались участниками Союза этейцев, неизвестно, тем более непонятен их статус¹⁸. Этот пример опять-таки мало что доказывает.

Таким образом, из всего обширного списка областей, в которых, по мнению авторов вступительной главы, существовали федеративные государства, состоявшие не только из полисов, остаются только два бесспорных примера — Аркадия и Этолия. Аркадский союз IV в. и Этолийская федерация III–II вв., с одной стороны, безусловно являлись федеративными государствами, что признается практически всеми исследователями. С другой стороны, в их состав, наряду с полисами, входили общины другого рода. В Аркадии об этом недвусмысленно свидетельствует список союзных демиургов в надписи *Syll.*³ 183, где вместе с гражданами Мегалополя, Орхомена и других городов присутствуют представители племенных общин — меналиев и кинуриев. Характерно, впрочем, что в коллегии демиургов, составленной по пропорциональному принципу, им принадлежало лишь 8 мест из 50; иными словами, население федерации в подавляющем большинстве обитало в общинах полисного типа¹⁹. Аркадская федерация была создана в момент, когда образование обособленных полисов с городскими центрами в западной, менее развитой части Аркадии еще не завершилось, однако синойкизм Мегалополя представлял собой решающий шаг в этом направлении. В следующем, третьем веке, когда Аркадия постепенно, часть за частью войдет в Ахейский союз, племенные общины в источниках уже не упоминаются, и субъектами Ахейской федерации в Аркадии станут исключительно полисы.

Еще более непростым был процесс градостроительства и формирования полисного строя в труднодоступных горных районах Северной и Восточной Этолии. Здесь, по всей видимости, даже в эллинистическое время почти все население продолжало проживать в неукрепленных поселениях ($\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\kappa\omicron\mu\alpha\varsigma$), как во времена Фукидида жили все этолийцы (Thuc. III. 94. 4). Предположительно, именно отсюда происходит основная часть тех нескольких десятков этолийских этниконов (т.е. обозначений мест происхождения граждан Этолийского союза), встречающихся в надписях III–II вв., которые невозможно связать с каким-либо городским центром. То, что в Этолийский союз времен его расцвета входили не только полисы, но и общины сельского типа,

¹⁷ Главы, посвященные Мессении и Элиде, не содержат и оснований для того вывода, что эти области входили в число тех, где объединение территорий происходило посредством федерализма и синойкизма одновременно (с. 12). Кстати, в этом отношении ярким примером была бы Аркадия, но она, в отличие от Мессении и Элиды, в процитированном здесь месте вступительной главы почему-то не упоминается.

¹⁸ Д. Руссэ, приводя список известных в данном регионе топонимов и обозначений мест происхождения жителей, отмечает, что невозможно определить, какие из них могли относиться к полисам, а какие — к селениям или демам (с. 226).

¹⁹ См. также главу об Аркадии, автор которой Т. Нильсен приводит ряд свидетельств в пользу того, что ко времени образования союза по крайней мере часть меналиев и кинуриев уже создала собственные полисы (с. 256–257).

отмечалось еще в XIX в., так что ничего нового в подобном выводе нет. Тем не менее принципиально важным представляется вопрос о соотношении удельного веса полисов и прочих общин в структуре Этолийской федерации III–II вв. К сожалению, в соответствующей главе рецензируемой книги (с. 86–117) П. Функе этот вопрос даже не поднимает. Собственные изыскания автора этих строк позволяют предположить, что роль полисов в политической, военной, финансовой и других сферах была явно преобладающей. К примеру, стратеги, происходившие из городов, возглавляли федерацию в течение 77 лет, и только 7 раз на этот пост избирались представители общин, которые невозможно отождествить с каким-либо полисом. Из 30 известных нам союзных гиппархов уроженцами городов были 27, из 30 секретарей — 25. В официальных документах Этолийского союза его участники неизменно называются полисами, и никак иначе²⁰.

Разумеется, в IV в., когда процесс урбанизации Этолии только разворачивался, соотношение вполне могло быть обратным, но можно ли союз этолийцев позднелатинского периода называть федерацией? Имеются весомые основания, чтобы подвергнуть сомнению утверждение П. Функе, который считает, что превращение «племенного государства» (tribal state) в государство федеративное произошло именно тогда (с. 93–101). В представлении этого исследователя этолийцы уже к 367 г. изменили внутреннюю структуру своего союза, который ранее делился на больших три племенных подразделения (аподоты, эвританы, офионеи), а теперь стал объединением гораздо большего числа общин (sub-groups), получивших статус участников федерации (member-states)²¹. При этом урбанизация Этолии стала не предпосылкой, а скорее следствием этого процесса. Для того, чтобы обосновать этот вывод, П. Функе, с одной стороны, придает слишком большое значение афинской псефисме SEG 15, 90 (367 г.), где говорится об отправлении посольства в Этолийский союз с протестом по поводу захвата афинских спондорфов трихонийцами (жителями этолийской общины, которая уже тогда или позднее стала городом Трихонием). Отсюда следует вывод: поскольку афиняне рассчитывали на то, что союзные власти заставят трихонийцев выпустить пленников, то между союзом и общиной существовало прямое соподчинение, а это значит, что уже не племенные подразделения (sub-tribes), а общины, подобные Трихонию, являлись составными частями союза. На наш взгляд, этот документ доказывает лишь то, что афиняне знали, в каком населенном пункте были захвачены их граждане; представлять себе, кому именно этолийские власти предъявят требование возвратить пленников — напрямую общине или, скажем, племенному подразделению, к которому эта община принадлежала, — они вряд ли могли. С другой стороны, П. Функе вынужден объяснять, почему этолийцы, уже изменив структуру своего союза, все же отправили к Александру Македонскому в 335 г. «посольства по племенам» (πρεσβεΐας κατὰ ἔθνη; *Arg. Anab.* I. 10. 2); толкование этой фразы как очевидного доказательства сохранения tribal state в Этолии вплоть до начала эллинизма ему приходится опровергать с помощью умозрительных и не слишком убедительных предположений.

Все эти соображения подталкивают к тому выводу, что традиционное понимание древнегреческой федерации как союзного государства, состоящего из полисов, вряд ли следует отбрасывать как устаревшее. То, что Аркадский союз IV в. и Этолийская федерация III–II вв. включали в себя отдельные территории, не входившие в состав городских гражданских общин, было известно давно и никогда не препятствовало отнесению этих объединений к числу федеративных государств, поскольку именно полисы играли явно преобладающую роль в их внутренней структуре²². Новый подход, согласно которому во многих областях Греции существовали федеративные государства, объединявшие преимущественно общины иного типа, не подкрепляется

²⁰ Sizov 1993, 367–386 (см. также 592–613: приложение 4, где приведен полный список этниконов граждан Этолийского союза, указанных в надписях эллинистического времени, и попытка отождествления этих этниконов, по мере возможности, с тем или иным типом общины). Эта часть диссертации осталась неопубликованной.

²¹ Т.е. буквально «государствами—членами» союза (с. 95, 99–101). Какие именно признаки государственности могли проявляться в организации этих общин, остается неясным, хотя именно такие признаки должны отличать федерацию от унитарного государства.

²² И среди современных федеративных государств достаточно много так называемых асимметричных федераций, внутри которых, кроме территорий, имеющих статус субъекта федерации, существуют территориальные подразделения, такого статуса не имеющие (например, в состав США, кроме штатов, входят также федеральный округ Колумбия, «федеральные территории», «федеральные владения» и «ассоциированные государства»).

убедительными примерами, в значительной степени основан на спорном толковании источников и достаточно вольном обращении с государственно-правовой терминологией. Х. Бек и П. Функе считают, что выход за пределы традиционного представления о том, что такое федерация, вполне соответствует современным тенденциям в общественном знании, ограничиваясь при этом указанием на то, что в некоторых современных общих трудах федерализм понимается как явление, которое принимало различный вид в разные исторические эпохи²³; стало быть, следует сосредоточить внимание не на том, применимо ли понятие «федерация» к тому или иному объединению греческих общин, а на том, в чем заключалась историческая специфика древнегреческого федерализма и его отличие от современного (с. 5).

В контексте повествования о новых методологических подходах говорится также о достигнутом в последние десятилетия «громадном прогрессе» в изучении «федеративных дискурсов» как важного аспекта политического мышления древних эллинов (с. 4–5). Между тем содержание соответствующей главы (Ч. Беарзот, «Античные теоретические отражения федерализма», с. 503–511), как, впрочем, и предшествующих работ этой исследовательницы и других авторов, не создает впечатления, что в изучении данной темы действительно наметился некий прорыв. Ч. Беарзот, действительно, впервые подвергла скрупулезному и системному анализу те выдержки из «Греческой истории» Ксенофонта, которые содержат отголоски идейной борьбы между сторонниками и противниками федеративного движения в отдельных регионах Греции IV в., усматривая в аргументах поборников федерализма некую общую идеологию²⁴. Эта последняя, впрочем, сводится к рассуждениям о преимуществах объединения городов в рамках крупного союза: совокупная военная мощь, согласованность внешней политики, новые возможности для торговли и соединения материальных ресурсов, сближение полисов и т.д. Теорией федерализма это назвать трудно. В толкование загадочной фразы Аристотеля (*Polit.* II. 1261a 24–30), где философ проводит различие между симмахией, полисом и таким этносом, «когда население не рассеяно по селам, но живет подобно аркадянам», Ч. Беарзот не вносит ничего принципиально нового. Понятно, что Аристотель считал союзы, подобные Аркадскому, особым видом этноса, отличал их и от полноценного государства, т.е. полиса, и от симмахии, но что именно он думал о принципах устройства федераций, понять невозможно.

Основное внимание автор главы об античной теории федерализма уделяет высказываниям Полибия. Вклад ахейского историка в теоретическое осмысление федерализма она видит, во-первых, в том, что Полибий вводит в греческий лексикон новые термины для обозначения федерации — *σύντηξ*, *κοινὸν πολιτεύμα* и др. Заметим, что из этих выражений можно извлечь лишь ту полезную информацию, что Полибий считал федерацию полноценным государством, что было известно и без всякого терминологического анализа. Разнообразие терминологии, на наш взгляд, характеризует не столько глубину теоретического подхода, сколько литературное мастерство ахейского историка, который находил все новые и новые слова для обозначения одного и того же явления. Ч. Беарзот также утверждает, что Полибий осознавал главную проблему федерализма, которая состояла в том, чтобы наиболее эффективным образом распределить властные полномочия между федерацией и ее субъектами, и считал, что в Ахейском союзе эта проблема была успешно решена. Подтверждением этого должны служить два пассажа (*Polyb.* II. 42. 6; 43. 8), смысл которых можно вкратце изложить следующим образом: свобода и согласие всех полноправных субъектов способствуют свободе каждого полиса. Делать на этом основании вывод, что ахейский историк считал свое государство «способным эффективно координировать местный и федеральный уровни власти» (с. 508), можно только при большой свободе фантазии. Как известно, Полибий видел в Ахейском союзе полное подобие единого полиса,

²³ Это положение подкреплено ссылкой лишь на две работы обзорного характера (с. 5, прим. 10), одна из которых посвящена не федерализму как историческому явлению, а скорее истории развития идей и ценностей, которые легли в основу современной федеративной государственности (Ward, Ward 2009). В другой работе центральным понятием является «внешняя политика», которое толкуется очень широко, в частности, посредством разграничения отношений внутри и снаружи человеческих сообществ и истоки которого возводятся ко временам возникновения первых цивилизаций; однако ни в одной из глав этого коллективного труда не приводится целостного и развернутого определения федерализма (Hellmann, Fahrmeir, Vec 2016).

²⁴ Основное исследование на эту тему представляет собой довольно объемную монографию (Bearzot 2004), в упомянутой главе приводится лишь его краткая версия.

которому недостает лишь общей стены (II. 37. 10–11); этим, похоже, и ограничивалось «теоретическое отражение федерализма» в его труде.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что рецензируемая монография должна стать необходимым и весьма ценным пособием для любого исследователя, который занимается историей греческих федераций, да и вопросами античной государственности в целом. Огромный материал, изложенный в ней, вполне отражает современное состояние научных исследований и подводит своего рода промежуточный итог многолетней работе антиковедов, изучающих данную тематику. Тем не менее появление книги «Федерализм в греческой античности», которую в авторском коллективе неофициально назвали «новым Ларсеном» (с. XIV), вовсе не означает, что «старый Ларсен» отныне утратил свое значение. Теоретические обобщения, толкования спорных мест в источниках, многие выводы Дж. Ларсена, как и других крупных ученых начала и середины XX в., по-прежнему заслуживают самого пристального внимания.

Литература / References

- Aigner-Foresti, L., Barzanò, A., Bearzot, C., Prandi, L., Zecchini, G. (a cura di) 1994: *Federazioni e federalismo nell'Europa antica. Bergamo, 21–25 settembre 1992*. Milano.
- Alcock, S.E. 1995: Pausanias and the polis: use and misuse. In: M.H. Hansen (ed.), *Sources for the Ancient Greek City State. Symposium August, 24–27 1994*. (Acts of the Copenhagen Polis Centre, 2). Copenhagen, 326–344.
- Bearzot, C. 2004: *Federalismo e autonomia nelle Elleniche di Senofonte*. Milano.
- Beck, H. 1997: *Polis and Koinon*. Stuttgart.
- Buraselis, K., Zoumboulakis, K. (eds.) 2003: *The Idea of European Community in History. Conference Proceedings. Vol. II. Aspects of Connecting Poleis and Ethnē in Ancient Greece*. Athens.
- Busolt, G. 1926: *Griechische Staatskunde. Hft. 2. Darstellung einzelner Staaten und der zwischenstaatlichen Beziehungen*. 3. Aufl. Bearbeitet von H. Swoboda. München.
- Cabanes, P. 1985: Le pouvoir local au sein des états fédéraux: Épire, Acarnanie, Étolie. In: P. Roesch, G. Argoud (éd.), *La Béotie antique, Lyon – Saint-Étienne, 16–20 mai 1983*. Paris, 343–357.
- Consolo Langher, S.N. 1996: *Stati federali greci. Focesi, Calcidesi di Tracia, Acarnani*. Messina.
- Corsten, T. 1999: *Vom Stamm zum Bund. Gründung und territoriale Organisation griechischer Bundesstaaten*. München.
- Czech-Schneider, R. 2002: Das Apollon-Heiligtum von Aktion in hellenistischer Zeit: Überlegungen zum wirtschaftlichen Verhältnis zwischen Heiligtum und profanem Inhaber. *Klio* 84/1, 76–100.
- Dany, O. 1999: *Akarnanien in Hellenismus. Geschichte und Völkerrecht in Nordwestgriechenland*. München.
- Erk, J., Swenden, W. 2010: The new wave of federalism studies. In: J. Erk, W. Swenden (eds.), *New Directions in Federalism Studies*. London–New York, 1–15.
- Feeley, M., Rubin, E. 2008: *Federalism: Political Identity and Tragic Compromise*. Ann Arbor.
- Funke, P., Haake, M. (eds.) 2013: *Greek Federal States and Their Sanctuaries*. Stuttgart.
- Gehrke, H.-J. 1986: *Jenseits von Athen und Sparta. Das Dritte Griechenland und seine Staatenwelt*. München.
- Gehrke, H.-J., Wirbelauer, E. 2004: Akarnania and adjacent areas. In: M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis. An Investigation Conducted by The Copenhagen Polis Centre for the Danish National Research Foundation*. Oxford, 351–378.
- Giovannini, A. 1971: *Untersuchungen über die Natur und die Anfänge der bundesstaatlichen Sympolitie in Griechenland*. Göttingen.
- Giovannini, A. 2007: *Les relations entre États dans la Grèce antique*. Stuttgart.
- Habicht, C. 1957: Eine Urkunde des Akarnanischen Bundes. *Hermes* 85/1, 86–122.
- Hellmann, G., Fahrmeir, A., Vec, M. (eds.) 2016: *The Transformation of Foreign Policy: Drawing and Managing Boundaries from Antiquity to the Present*. Oxford.
- Hueglin, T.O., Fenna, A. 2015: *Comparative Federalism: A Systematic Inquiry*. Toronto.
- Larsen, J.A.O. 1968: *Greek Federal States: Their Institutions and History*. Oxford–New York.
- Mackil, E. 2013: *Creating a Common Polity. Religion, Economy, and Politics in Making a Greek Koinon*. Berkeley–Los Angeles.

- McInerney, J. 2013: *Polis and koinon: federal government in Greece*. In: H. Beck (ed.), *A Companion to Ancient Greek Government*. Chichester, 466–479.
- Oulhen, J. 2004: Phokis. In: M.H. Hansen, T.H. Nielsen (eds.), *An Inventory of Archaic and Classical Poleis*. Oxford–New York, 399–430.
- Pritchett, W.K. 1992: *Studies in Ancient Greek Topography*. Pt. VIII. Amsterdam.
- Sizov, S.K. 1993: *Federativnye gosudarstva ellinisticheskoy Gretsii: Akheyskiy i Etoliyskiy soyusy* [*Federal States of Hellenistic Greece: the Achaean and Aetolian Leagues*]. Saint Petersburg.
- Сизов, С.К. *Федеративные государства эллинистической Греции: Ахейский и Этолийский союзы*. Дисс. ... докт. ист. н. СПб.
- Sizov, S.K. 2018: [The Federal Budget in the Federations of Hellenistic Greece]. *Studia historica* 16, 99–118.
- Сизов, С.К. Союзный бюджет в федерациях эллинистической Греции. *Studia historica* XVI, 99–118.
- Swoboda, H. 1913: *Lehrbuch der griechischen Staatsaltertümer*. Tübingen.
- Szanto, E. 1892: *Das griechische Bürgerrecht*. Freiburg.
- Ward, A., Ward, L. (eds.) 2009: *The Ashgate Research Companion to Federalism*. Farnham–Burlington.

Sergey K. Sizov,

Lobachevsky State University of Nizhni Nograd,
Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: Sergey_Sizov@yahoo.com

С.К. Сизов,

д.и.н., профессор,
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic
Research, project no. 20-09-00099